

Тыл – фронту

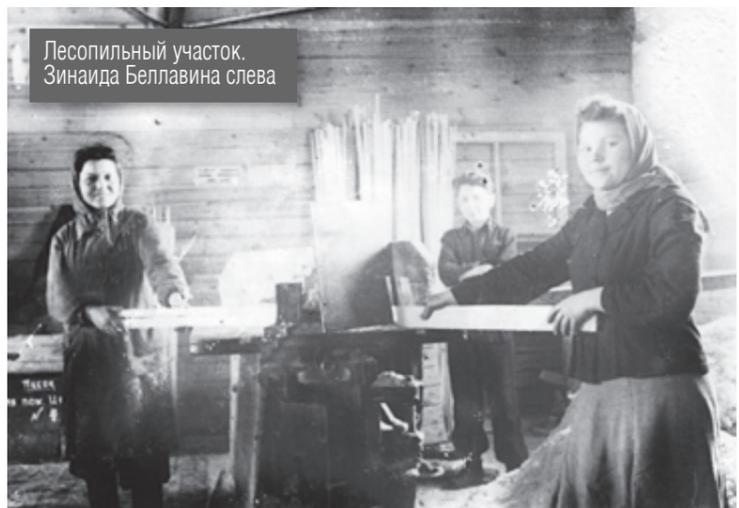
«Только бы мир»

С ДНЁМ ПОБЕДЫ
1941 1945

«ММ» публикует воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Зинаиды Беллавиной (1925–2012 гг.) из её домашнего архива

Зинаида (крайняя справа) с родителями, братьями, сестрой

Лесопильный участок. Зинаида Беллавина слева

Зинаида Беллавина с мужем Валентином (за её спиной), сыновьями и отцом (справа)

Подростком она вместе с родительской семьёй оказалась в эвакуации под Челябинском, а в конце войны переселилась в Магнитку. Большую часть трудовой биографии трудилась лаборантом в тресте «Магнитострой». Не раз награждена юбилейными медалями.

«...Мне было лет четырнадцать. Помню, самолёт не слишком высоко летел, видно было, как бомба – вероятно, фосфорная – падала на нашей улице. А улица широкая, красивая, в родных моих Шахтах – и её бомбить! Дырка от падения бомбы в земле махонькая, но главная опасность – огонь! Мы все, даже дети, тушили – и мысли не было, что взорвется. Одну засыпали, а девочки говорят: ещё одну у школы сбросил рядом с нашим огородом, снова побежали тушить».

Осенью, немцы ещё до нас не дошли, объявили эвакуацию. Папа, Архип Кузьмич Белоусов, соседу, дедушке Антиповичу – чужому человеку, у него дома не было, жил в своём сарае – сказал: «Переходи в наш дом, живи. Целый останется – хорошо. Нет – так тому быть». Рождественнице в Орловской области папа мебель, скотину, курочек, козочек увёз.

Дорогой повезло ни разу не попасть под бомбёжку. Но почти на каждой остановке видели последствия авианалётов. Помню, станция Россось: глубокая яма на месте взрыва и рядом на вербе на каждой ветке тряпьё и окровавленные части человеческих тел – не посчастливилось предыдущему эшелону.

Где уж тут заботиться о безопасности. На одном из этапов эвакуации ехали мы на подводе ночью до места назначения. Гусеничный трактор без освещения зацепил повозку – хорошо, успел остановиться, только узлы продырявил, я потом штопала скатерти. А нас с братом – мы на узлах спали – чудом не зацепило, прошёл в сантиметрах.

Приехали по назначению в Челябинск, а место, обещанное папе, – он по специальности техник-строитель – занято, и нас направили в Черноярку. В сорок втором окончила курсы комбайнёра-тракториста, работала на комбайне и тракторе. У Васи Рыжкова была помощником, штурвалом управляла. Пахала на тракторе и хлеб убирала. Ой, как мне нравилось! Пшеница – как море...

Но была одна трудность: на двигателе изнашивались подшипники, цилиндрические и конические, а после ремонта не держались в обойме. А я эту обойму стала расклёпывать с обратной стороны: она расширилась. Промою в солярке, соберу – они не выскакивают. И несколько тракторов и комбайнов снова пошли в дело. Мы к весне самые первые в округе были готовы к пахоте.

Мастер мужикам говорит: мол, ребёнок додумался, а вы нет, руку мне пожал, благодарил

Зинаида Беллавина

Только обидно очень: полгода училась, пешком на еманжелинскую МТС на практику ходила, а документа об учёбе не дали. Ведь даже бумаги не было, на чём написать. И в школе-то на старых книгах, газетах между строчками, на тонкой полоске писали. Один, редко два учебника на сорок и больше учеников. Собирались все у кого-нибудь на дому и по одной книжке учились.

Дали аттестат об окончании курсов, датированный одним днём, на пожелтевшем листке в клеточку. Учёба в стаж не вошла. И период работы в совхозе, когда я уже самостоятельно работала на тракторе и комбайне, мне не засчитан: нет документов. Хорошо хоть за время работы в колхозе папа себе брал справку и на меня взял.

Сколько раз мы волков видели, когда косили. Развелось их в войну. Однажды вдвоём шли – выбегает волк. Стали по пустым ведрам стучать – отогнали.

Лет в семнадцать, в сорок втором – сорок третьем, отправили работать вздымщиком. (Вздымщик участвует в сборе смолы хвойных деревьев – живицы, нанося специальные надрезы в форме «ёлочки» на стволе дерева. – Прим. ред.) Тяжёлый труд, хоть и нужный для авиационной промышленности, но никто свою дочь на такой не отправит. А мы же пришлые, эвакуированные, нам и выпало в первую очередь.

Под Златоустом, на реке Большой Навыш, наш участок был: Навыш, № 17. Там свой микроклимат: ежедневно дождь, комаров уйма – заедали. Одежда: спецовка, штаны, под подошву латки положишь, чтобы не больно было, идёшь и чавкаешь ступнями в мокрой обуви. Хлеба на день – по 800 граммов. Однажды отчего-то несколько дней не давали еды, и мы из мёрзлой земли накопили мелкой картошки, оставшейся после уборочной, напекли оладьев. Меня после них наизнанку вывернуло. Мне кажется, с тех пор у меня кислотность – ноль, так и не вылечилась.

Норма была, по-моему, 450 «ёлочек» в смену, по три «ёлочки» на одной сосне: надо содрать шкуру, сделать центральный жёлоб, потом всё выше подниматься с надрезами. Чтобы их углублять, надо инструмент наточить, а для этого дожидаться единственного на несколько участков настроящика с единственным напильником. А когда он придёт? – участков много. Так что инструментом тоже приходилось заниматься самой. И даже при этом у меня всегда – перевыполнение плана, я была ударницей, мастер хвалил. Премировали: чулки за 53 копейки, портновский метр и катушка ниток. Сегодня не понять, как велика награда: в магазинах же ничего не было. Вот говорят: тебе жалко выбросить старую вещь, а мы привыкли беречь и хранить. Много работали, чтобы что-нибудь заработать, поэтому ценим.

Вздымщиком я «ёлочки» нарезала, а сборщица из них живицу ножом в конусные горшочки выковыривала и собирала в ведро, потом носила в бочки, уплотняла, закупоривала, и их отправляли на переработку на завод. Зимой, когда живица уже не текла, мы заготавливали лес для паровозов – угля-то не хватало. Сами ручной пилой распиливали, обрубали и метровые чурбаки в штабель складывали. В

снегу по пояс – как тут не будут всю жизнь болеть ноги.

Когда направляли на эту работу, сказали, на год, а получилось: два с половиной. Когда наконец освободили от неё, снова никто даже не обмолвился о документах, подтверждающих стаж. А мы просто рады-радёшеньки, что отпустили по домам.

Отца к этому времени уже отравили работать в Магнитогорск. Когда мы поехали к нему, у нас украл багаж – 82 килограмма. А там и деньги, 15 тысяч, что выручили за корову, и трёхлитровая бутылка топленого масла, и отрезки были. Однажды уже в Магнитогорске я на базар пошла и остолбенела: это же наш платок, шёлковый, с кистями, переливной, выбитые цветы. А мы с пустыми руками в Магнитку приехали. Мама покрасила половик, из него мне юбку сшила, я и этому была рада. Папа на работе рукавицы получит, я их распорю, из них трусы себе шила. А там же швы какие жёсткие. Пока работаю – до крови тело натру.

Шофером уже работала, с первой зарплаты купили материал – стали обновки шить. Когда стажировалась, шофёр-наставник потом рассказывал: «Как вспомню, в каких ты валенках была...» – огромные, папины, не по размеру, с деревянными подошвами, на ремешках. Себе папа лапти плёл: и денег не было купить, и голые полки в магазинах, хотя уже война кончилась.

Здесь, в Магнитке, я окончила шофёрские курсы. Работала на «ЗИСе» с прицепом на «метизке», возила металл. А потом меня на газогенераторную посадили – её чурками топили. Директора завода Леонида Гайворонского возила. Любила гонять, не переносила, когда впереди меня автомобиль.

Однажды так затормозила, что машину развернуло.

Директор говорит: «Зиночка, завтра я на трамвае поеду»

Наши родители великие труженики. Все бы так честно относились к работе. Когда возводили посёлок Крылова, в том числе наш дом, я уже большая была. Отец работал десятником в бригаде строителей – немецких военнопленных. На нашей улице Мичурина узкоколейка была. Она потому и широкая такая, что по ней железная дорога шла. Маленький такой паровоз «кукушка» возил стройматериалы со стороны вокзала: шлакоблок, доски, цемент, дрова, камень – мостить дорогу. Улицы Ушакова, Калинина, Мичурина были замощены, а где грунтовые воды и берёзы посажены – там канавка была, даже её выложили камнем. Какой дом строили, к тому паровоз и подвезжал. А на малые улицы материалы уже на тачках доставляли. Как построили посёлок, дорогу с паровозами убрали.

Вот бригада построит корпус, по-чёрному заштукатурит, остальное жители делали сами: белили, кровлю укладывали. Немцы честно работали, разгружали и строили. Они разного возраста, но совсем молодых не было. Не помню, чтобы у них охрана была. Папу уважали, и он к ним относился по их работе. Иной раз и кормил их. Они хотели как-то отблагодарить его: сделали корыто для шинковки капусты, смастерили два мощных стула.

Отца в сорок шестом наградили медалью «За доблестный труд в годы войны».

Не приведи господи повторить всё, что пережито за войну и в первые годы после неё, – только бы мир и покой».